

Посланник

МИД

книга третья

Георгий Комиссаров

Георгий Комиссаров

Посланник МИД. Книга третья

«Автор»

2023

Комиссаров Г.

Посланник МИД. Книга третья / Г. Комиссаров — «Автор»,
2023

Грозные 30-е годы XX века. Сражения шли не только на полях, в море и в небе. Менее кровопролитные, но не менее решающие шли и в тиши кабинетов, на светских раутах и просто в непринуждённых беседах различных государственных деятелей с работниками дипломатических миссий всех стран и рангов. Именно там создавались и рушились союзы, коалиции, тайные сговоры и пакты. Именно так мир развивался по той исторической линии, которую потом все изучают и утверждают, что это закономерности. А на самом деле кто-то «просто» пролил стакан воды на важные документы или бокал с шампанским на платье жены всемогущего премьера... Вот про эти «случайности» мировой политической истории эта книга. И про её скромных героев, благодаря которым мы всё ещё живы. Это продолжение цикла. Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

© Комиссаров Г., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Вступление	5
Глава 1.	10
Глава 2.	20
Глава 3.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Георгий Комиссаров

Посланник МИД. Книга третья

Вступление

22 июня 1941 года, Берлин, кабинет Шелленберга

Нахлынувшие воспоминания о нашей первой встрече с Вальтером Шелленбергом видимо как то отразились на моём лице, чего я собственно говоря и не собирался скрывать.

Он тоже широко улыбнулся мне и с распростёртыми объятиями шёл мне на встречу.

На нём был серый штатский костюм от лучших парижских кутюрье.

– Здравствуй дружище Серж, – произнёс он своим мягким голосом, тепло обнимая меня.

Я ответил на его радушие своими объятиями и сказал недовольно:

– От друзей не прячутся целый день...

– Я не прятался, – возмутился он, улыбаясь, – просто Серж я был очень занят, – выкрутился Вальтер.

– И что же так могло тебя занять? Не война ли с нами?, – не принимая его шутливого тона, я спросил серьёзно.

– И это тоже..., – махнул он небрежно рукой, как будто начать войну СССР было для него, словно игры в кегли.

– Ну не обижайся, – похлопал он меня дружески по плечу, приглашая присесть на мягкое кресло у низкого столика, на который уже нам сервировали лёгкий завтрак.

Я не стал чиниться и присев, тут же налил себе ароматного свежесваренного кофе, которым стал запивать чудесные французские круассаны и мой любимый штрудель по-берлински.

Дождавшись, пока я получу удовольствие от еды, Вальтер продолжил всё тем же его фирменным задушевым и вкрадчивым голосом.

– Конечно Серж, ты вполне можешь быть в обиде и на меня, и на фюрера... Но у нас не было другого выхода...

– Нам нужны развязанные руки на Востоке Европы, чтобы сделать большой бросок на Ближний Восток, – принялся Шелленберг мне в очередной раз пересказывать этот бред. Я молча ел и слушал...

– И для этого вы решили поставить на кон свою судьбу, Германии наконец..., – зло я буркнул, продолжая наслаждаться завтраком.

Он на это только широко улыбнулся, как кот, наевшийся сметаны. Затем он подошёл к своему огромному столу и достал из одного из выдвижных ящиков коричневую коробочку с золотой свастикой.

Затем заговорил более серьёзно:

– Герр Козырёф, мне поручено фюрером германской нации Адольфом Гитлером вручить Вам эту награду...

Я при этих напыщенных словах встал..., а Вальтер продолжил:

– Герр Козырёф, Вы награждаетесь рыцарским крестом с дубовыми листьями за неоценимые заслуги пред рейхом...

Сказав эти слова, мой друг открыл коробочку, достал оттуда награду, подошёл ко мне и за ленточки повесил её мне на шею.

Мне ничего не оставалось, как вскинуть руку в нацистском приветствии и рывкнуть нечленораздельно «Хайль», дожёвывая берлинский штрудель.

– Ну теперь ты доволен?, – спросил улыбаясь Вальтер.

– Наградой да, а вот войной нет, – откровенно я ответил.

На что он, пожав плечами, сказал:

– Если хочешь знать... все генералы и я... были против... но фюрер был непоколебим...

– Что буде с посольскими?, – перешёл я на другую тему.

Шелленберг снова небрежно махнул рукой, но заметил тень на моём лице, пояснил:

– Серж, я ничего не решаю...

– А что будет со мною?, – спросил я уже про свою судьбу.

Тут Вальтер стал совсем серьёзен:

– Серж, как ты понимаешь, ты нам нужен там, а не здесь...

Я его перебил:

– Тогда я должен быть в посольстве до конца... каким бы он не был...

Шелленберг покивал согласно головою, сказав:

– Я тоже так думаю... Но продумай, чем ты теперь можешь быть полезен Сталину... Не выкинет ли он теперь тебя из своей колоды? По сути – ты провалил дело...

Его слова меня больно резанули... Я это прекрасно понимал и даже чувствовал огромную вину... Особенно когда увидел фото наших убитых, раненных и пленных солдат на страницах экстренных выпусков немецких газет... Они и тут лежали на столе...

– В любом случае мне лучше быть в посольстве и если будет обмен... то уехать со всеми, – высказал я свою мысль.

Он согласно кивнул... Тут у него на столе прозвучал звонок телефона. Вальтер неспеша подошёл, снял трубку и после приветствия, стал внимательно слушать.

Затем коротко буркнул в неё «Хайль» и положил назад на рычаг.

После чего улыбнувшись произнёс:

– Утёр ты нос этому зазнайке Мюллеру... Ничего его молодчики важного в посольстве не нашли...

– Как тебе это удалось? Не скромничай, Серж... Твоя работа?, – весело засыпал меня он вопросами.

Тут уже я пожал плечами и небрежно ответил:

– Не дело личного посланника Сталина с этим возится...

Лицо Шелленберга посерьёзнело и он сказал:

– А кто вчера убеждал Деканозова, что сегодня будет война?

– А это прокол, – пронеслось у меня в голове, – это твой очередной прокол дорогой мой друг... так вот взять и сказать, что у вас есть агент среди посольских... Мне теперь не составит труда его вычислить... Ведь и его ты захочешь обменять на немецких дипломатов в СССР...

На этот вопрос Вальтера и кого угодно из моих здешних «хозяев», я ответ заготовил заранее:

– Так теперь ни у кого нет сомнения, что я не предатель... для советских, – сказал я тоже серьёзно.

– Да, это серьёзный аргумент... в случае твоего возвращения в СССР, – согласился Шелленберг.

Затем он также неспеша подошёл ко мне и аккуратно снял с меня гитлеровскую награду.

Помещая её назад в коробочку, он пояснил:

– Тебе она там ни к чему... Пусть тут тебя подождёт, – и снова улыбнулся улыбкой Чеширского кота.

А у меня в мозгу снова всплыло: «Ну вылитый Табаков»

– И кто этот Табаков? И ещё какой то кот Матроскин?

Потом Шелленберг нажал кнопку у себя под столом и вошедшему по вызову эсэсовцу приказал:

– Доставить его назад, – при этом кивнул на меня.

И уже без всяких дружеских объятий я покинул кабинет руководителя контрразведки Третьего рейха.

В коридоре столкнулся с ещё одним штатским, конвоируемым таким же эсэсовцем. Ни он, ни тем более я, виду, что знаем друг друга, не подали...

Память услужливо мне подсказала, что это Борис Бажанов, бывший личный секретарь Сталина, бежавший из СССР в 28-м году, с которым я познакомился уже в Париже...

В конце марта 1935 года мне пришло из Москвы поручение срочно убыть из Берлина в Париж в помощь тамошнему нашему полпреду товарищу Потёмкину.

Товарищ Довгалецкий, – мой хороший знакомый и даже можно сказать старший друг, который до этого занимал там этот пост, скорострительно скончался ещё в июле прошлого года.

Я прекрасно понимал резоны, которыми руководствовались в НКВД...

Особенно в свете недавно полученных мною сведений из недр генштаба рейхсвера, о готовящемся нападении Германии на СССР в союзе с Польшей, Финляндией и Японией.

Эта информация мною уже переправлена в Центр...

Вместе с нарушением Гитлером Версальского договора сразу после занятия немцами Саарской области в начале этого 1935 года, это вызывало видимо тревогу в Москве...

Перед отъездом в Париж мне нужно было решить некоторые бюрократические вопросы.

В «бюро Риббентропа» мой здешний «шеф» сказал:

– Герр Козырёфф, желания ваших хозяев из Москвы совпадают и с нашими...

Это меня несколько удивило, а он, заметив это, пояснил:

– Дорогой Серж... так будет всегда... Вы по прежнему на службе у меня и у фюрера!, – почти выкрикнул он последнее слово...

Потом обсудив детали нашей с Риббентропом связи, я, распрощавшись с ним и коллегами по бюро, убыл в наше полпредство в Берлине.

Там видимо были уже предупреждены и меня сразу же принял наш полпред товарищ Суриц.

Благодаря знакомству с покойным Довгалецким и здравствующей Александрой Коллонтай, – глыбами советской дипломатии, я уже знал биографию этого удивительного человека.

Яков Захарович Суриц родился в 1882 году в еврейской семье владельца ювелирного магазина в Двинске, сейчас это Латвия. В 1902 году вступил в Бунд. Насколько я сейчас знал, это такая революционная еврейская организация, из которой вышли многие известные деятели революции и руководители нынешнего СССР.

В 1903 году Суриц уже в РСДРП, а с 1917 года в стане Большевиков.

В 1907 году был арестован и сослан в Тобольскую губернию, освобождён в 1910 году. Эмигрировал в Германию. Учился на отделении государственно-общественных наук философского факультета Гейдельбергского университета, изучал право в Берлинском университете.

В 1917 году вернулся в Россию...

Во время Октябрьской революции, как мне по секрету сказали – «находился по другую сторону баррикады»...

– Что это могло значить?

– Наверное примкнул к Каменеву и Зиновьеву – противников вооружённого захвата власти большевиками, – решил я. – Но потом прощённых Лениным, как и все «оппортунисты»...

С 1918 года работает в Народном комиссариате иностранных дел РСФСР.

Затем до середины 1919 года работал заместителем полпреда в Дании по рекомендации самого наркоминдел товарища Чичерина.

Потом был послан полпредом в Афганистан, где пробыл до 1921 года.

В тоже время с 1920 по 1922 год был членом Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР и уполномоченным НКВД по Туркестану и Средней Азии, до присоединения их к СССР.

В 1922-1923 годах – дипломатический представитель в Норвегии.

А с 1923 года аж по средину этого 1934 года... почти 10 лет... полномочный представитель СССР в Турции.

Сейчас занимает важный пост – полномочного представителя СССР в Германии.

«Самая светлая голова среди здешних дипломатов», – так справедливо охарактеризовал его нынешний посол САСШ в Германии Уильям Додд.

Я с этим утверждением был полностью согласен...

Товарищ Суриц не стал ходить вокруг да около, так как он честно признался, что понятия не имеет о моих полномочиях, а просто рассказал мне о товарище Потёмкине, который сейчас занимал пост полпреда СССР во Франции.

– Сергей Владленович, – начал он официально. – Я с товарищем Потёмкиным проработал почти пять лет в нашем полпредстве в Турции...

– Он у меня был там и консулом и в советниках...

– А вообще то он учитель, – удивил меня товарищ Суриц и пояснил:

– Он ещё в июле 1918 года председательствовал на I Всероссийском съезде учителей, в апреле 1919 года являлся организатором I Всероссийского съезда по народному образованию.

– И только 1919 году вступил в Партию!, – продолжал удивлять меня полпред, так как до этого я имел дело с товарищами с так называемым «дореволюционным партийным стажем».

– Но ты, товарищ Козырев на это не гляди..., – повёл свой рассказ дальше Суриц. – В 1919 году товарищ Потёмкин был направлен на фронт, где занимал должности члена Реввоенсовета 6-й армии, начальника политотдела Западного, а затем Южного фронтов. – В общем был в самом пекле... – Там на фронте и познакомился с товарищем Сталиным, – сказал веско Суриц и уже заученно добавил: – С нашим самым гениальным Вождём и Учителем...

– И уже по его ... товарища Сталина... личному поручению Потёмкин с полномочиями Ревтрибунала фронта не раз выезжал для водворения порядка в частях, одновременно команду особым отрядом..., – с особой интонацией произнёс Суриц и уже буднично добавил:

– В Одессе Потёмкин встретился с товарищем Дзержинским, после чего в 1922 году перешёл на дипломатическую работу. В том же году став членом миссии Российского Красного Креста по репатриации русских солдат из Франции, а летом 1923 года был назначен председателем комиссии по репатриации бывших русских солдат и казаков из Турции, – лаконично закончил эту часть описания биографии Потёмкина товарищ Суриц.

Затем дав мне переварить услышанное, продолжил меня удивлять:

– В 1932 году Потёмкин был назначен на пост полномочного представителя СССР в Италии... Находясь на этой должности, товарищ Потёмкин сумел завязать дружеские отношения с Муссолини, за что, неоднократно подвергался критике нашего руководства из НКВД, – сообщил мне полушепотом Суриц и добавил:

– У него на письменном столе... как говорят... стоит фотография Муссолини с дружеской надписью...

После чего многозначительно на меня посмотрел...

А я про себя подумал:

– Без одобрения Сталина вряд ли такое было бы возможно ...

И в подтверждение моих мыслей Суриц сообщил мне, что подписанный в 1933 году советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете является главной заслугой Потёмкина на посту полпреда СССР в Италии.

Затем Суриц напомнил мне, что в сентябре прошлого 1934 года Потёмкин вместе со мною входил в состав советской делегации на Ассамблее Лиги наций, когда нас туда приняли. И сразу же после этого был назначен на пост полпреда СССР во Франции.

А у меня пронеслось в голове: – Чего же я ещё тогда не успел хорошо с ним познакомиться?

Глава 1.

И вот я в экспрессе Берлин-Париж...

Я много раз за время своей жизни в Германии покидал её...

Но в этот раз нахлынули на меня чувства, заставившие меня оглянуться назад...

Я приехал в Германию в 1930 году.

Раздавленная Версальским договором, загнанная как мышь под плинтус, разгромленная, она имела весьма убогий и даже растерянный вид, – как точно подметил мой друг Александр Вертинский. С которым меня свела судьба во время моего пребывания в Германии, где он гастролировал.

Немцы, что называется, ходили на цыпочках, стараясь не шуметь, как в доме, где только что умер кто-то. Они были грустны и любезны. И растерянны.

Им свойственна медлительностью мышления, и они всё ещё не могли постичь своего краха.

Это было для их разума слишком неожиданным.

Военное поражение, революция и бегство кайзера.

И самое страшное – с них содрали форму!

Для того, кто не жил в Германии, тому не понять, что значит для немца военная форма, дисциплина и порядок.

Это жизнь, которой он живёт. Это краеугольный камень его существования.

А эта скотина Гитлер, когда пролез во власть, вернул это всё немцам. Их военную форму! Этим ничтожно малым, незначительным, но филигранным жестом он завладел их душами.

В 1930 году, когда я сюда приехал, немцы почти все ходили в штатском. Форма была уничтожена.

Придурковатые прусские помещики – юнкера, битые генералы, полковники и майоры, были поголовно переодетые в гражданское, и поэтому выглядели как скрывающиеся в чужой одежде мошенники или простые разорившиеся бюргеры.

От всего воинственного их прежнего вида у них остался один блестящий и надменный монокль в глазу.

Для них это было по настоящему тяжелое испытание!

А тут ещё и их любимы монарх трусливо сбежал! Тот самый кайзер, на которого они... без преувеличения... молились словно Богу.

Немцы были воспитаны с детства в духе подчинения и обожания своего монарха, как в России – Царя-батюшки!

Череда послевоенных невнятных «демократические правительства» никого не могла тут обмануть.

Портреты Вильгельма имелись по-прежнему в каждом доме, но теперь не висели на самом видном месте, а были спрятаны.

Но каждый год... в день рождения кайзера... доставались и подальше от посторонних взглядов немцы проливали над ними горькие слезы.

Миллионы немцев отсылали в этот день открытки с поздравлениями в Голландию, в город Дорн, где открыто и скромно жил бежавший туда Вильгельм.

И он... оттуда... неизменно присылал каждому обратно по открытке с благодарностью за поздравления... Правда они были напечатанные на дешёвой бумаге и с одинаковым сухим для всех текстом... Но! За его подписью!

Немцы... привыкшие повиноваться, шагать строем, тянуться и подчиняться, были нараспутье...

Они, были предоставленные самим себе, как собака без будки и хозяина... Потерявши «палку», «ошейник» и «цепь», в которые они слепо верили, немцы растерялись до такой степени, что вызывали жалость у некоторых сердобольных людей.

Как будто стадо овец выгнали из тёмного хлева на свободу... без пастуха.

Однако... со временем они стали приходить в себя...

Было открыто сообщение с Миром... Прежде всего с Францией и Англией. Появились туристы...

Немцы из злых волков переоделись в мирные овечьи шкуры.

Постепенно кайзеровский вид граждан послевильгельмовской Германии исчезал.

На его место приходил обычный штатский облик населения Западной Европы.

Как я уже знал, очень сильно по немцам, ударила инфляция в 23-м году...

По рассказам многочисленных моих собеседников, это была жуткая картина послевоенной экономической катастрофы.

Немецкая марка в те дни скатывалась вниз с молниеносной быстротой.

– Настоящий «блиц-крах» Германии!, – как прокомментировал мне те дни Александр Вертинский, заставший всё это тут.

– Удержать её не могли никакие силы, ни земные, ни небесные, – говорил он.

По его словам, немцы тогда окончательно растерялись... началась паника. Массовые самоубийства охватили Германию.

А ловкачи всякого рода кинулись скупать дома целыми кварталами...

И немцы, как одурманенные, продавали их за ничего уже не стоящие миллионы марок, которые через несколько дней оказывались простыми бумажками.

Огромные универсальные магазины, такие, как «Хофф», например, оказывались вычисленными от товаров за одно утро.

А к вечеру того же дня марка падала вниз так, что то, что было продано магазином за сто марок, нельзя было уже купить и за тысячу.

Пока сознание несчастных немцев переваривало все это, многие нувориши заработали огромные состояния на их беде.

Когда до граждан наконец дошло, в чем дело, было уже поздно. Почти все они были разорены.

Таковыми были первые послевоенные годы существования немцем.

Но затем всё наладилось...

Когда вспоминаешь какую-нибудь страна, где бывал и жил, то она в твоём мозгу приобретает некие формы и ассоциации.

Например, Франция представляется мне чем-то лёгким, ажурным, каким-то кружевом, сотканным причудливым узором ... как чулок или нижнее бельё прелестницы...

Когда же я думаю сейчас о Германии, то я представляю себе громадную серую уродливую глыбу.

На верху у этой громадины – меч, устремлённый на восток...

А под ним роковые слова: «Там немецкий меч добудет землю для немецкого плуга».

Эта глыба распластала под собою немецких мыслителей... и мудрых деятелей...

Но несправедливости ради должен сказать, что не все немцы разделяют эти захватнические планы относительно России-СССР.

Многие из них с большим интересом и даже с нескрываемой симпатией следят за стройкой в СССР или как тут выражаются: «социальным экспериментом».

Немецкий народ в основной массе своей не только не хочет войны с нами, памятуя заветы Бисмарка и прежние уроки, но некоторые, более культурные немцы даже хотят учиться на русском опыте.

Эти прогрессивные представители германской нации охотно вступали в беседы со мною. Вопросы на меня сыпались разны и много... как из рога изобилия.

Причина этому была одна.

Немецкие специалисты, побывав в СССР и возвратившись по окончании своих контрактов, рассказывали много о том, какие колоссальные стройки и положительные перемены происходят там.

И этим невольно вызывали большие симпатии и интерес у немцев к моей Родине.

– Русские, – говорили они, – хоть и большие фантазёры – мечтатели, но ещё и энтузиасты, оптимисты, влюблённые в свою страну, верящие в свои пятилетки. «СССР догонит и перегонит Америку!» Так тогда писали все Советские газеты.

Коммунистическая партия была довольно значительно представлена в Германии. Я был знаком с её руководителями.

Я сам видел разрешённую правительством демонстрацию коммунистов, которая шла по Унтер-ден-Линден в течение двух часов шеренгами по четыре человека в ряд.

Но это всё в прошлом... После Гитлера, коммунисты ушли в подполье, кто не был схвачен и брошен в концлагеря. Некоторая часть их уехала из страны... многие из них в СССР. Но к большому удивлению товарищей из нашего полпредства в Германии и представителей Коминтерна, целые районные ячейки местных коммунистов перешли в НСДАП.

Как-то Гитлер, хвастаясь передо мною этим печальным для меня фактом, заявил:

«Из коммуниста может получиться хороший нацист... а вот из гнилого социал-демократа никогда!»

Мои мысли снова вернулись к образу Германии...

Немки... Женщина в немецкой семье и обществе вообще... не играет никакой практически роли. Хорошая немка, как тут говорят, должна знать только три «К»:

– Киндер!

– Кюхе!

– Кирхе!

То-есть детей, кухню и церковь.

Не сильно тут развернёшься...

По воскресеньям по дороге к Тиргартену я часто наблюдал такую картину: Множество немецких семей шли на прогулку в Ванзее или куда-нибудь в ещё... У всех их всегда одно и то же.

Идёт важно и надменно их глава семейства пыхтя огромной вонючей сигарой и засунув руки в карманы. Впереди него бежит его выводок детей...

А сзади, еле перебирая ноги, ковыляет навьюченная, как ослик, его вторая половина.

Она несёт за спиной тяжеленный рюкзак с едой и выпивкой...

При этом в руках она может тащить ещё что-нибудь вроде подстилки, ковра, летней палатки, ракеток для бадминтона или сетку с мячами.

Все это выглядело нормой.

Дома же, в свободное от работы время, готовки, уборки, походов по магазинам и базарам, все немки вяжут. Вяжут до иступления.

Производя огромное множество различных «набрюшников», «напульсников», «митенток», перчаток, носков, шарфов и прочего.

Они наплетают громадное количество всяческих салфеток, подставок, колпаков для чайников, кофейников, разные виды подстаканников.

На всей мебели в любой квартире много навалено этих вязаных тряпочек.

Куда бы ты ни сел, куда бы ты ни положили руку, везде ты натыкаешься на квадратики, кружочки, полосочки...

Всё это вывязанно с беспощадной тщательностью, с уморительными узорами и кружевами.

В этом также зарыто их непроходимое и в тоже время милое немецкое мещанство.

Тебя как бы этим предупреждают: «Осторожнее! Не наследите! Не пролейте! Не насорите!..»

Даже для зубочисток они вяжут очаровательные чехольчики.

Всё это имеет и обратную отвратительную сторону... Так как разводит в их квартирах страшную пыль, как и любые тряпки, наваленные без всякой меры.

Все эти вязальщицы-хозяйки квартир к тому же ещё и сыщицы-шпики...

Они следят строго за своими жильцами, как тюремные надсмотрщики за заключёнными.

У меня в комнате стоял диван, и я привык сидеть в его левом углу... И вот... я однажды нахожу записку хозяйки, в которой она просит меня сменить угол и сидеть справа, чтобы диван просиживался равномерно... ха-ха.

В Бонне... у одной хозяйки, у которой я снимал комнату, было такое огромное количество вязанного тряпья, что в доме буквально не было ни одного необвязанного места или предмета.

А в самом центре квартиры... в гостиной на обеденном столе стоял огромный красный гном для чайника, связанный из бельевых окрашенных верёвок...

Больше в квартире нечего было обвязывать категорически.

Однажды, вернувшись домой, я был поражён тем, что моя хозяйка плела новый колпак на чайник, но только ещё больших размеров.

Во Франции я однажды услышал от одного художника: «Я не знаю, на что я был бы менее способен, чем быть немцем...»

Мне тоже тут показалось, что стать немцем нельзя, им нужно родиться.

Я знаю, например, людей, которые очень легко уживаются в любой стране.

Мне приходилось встречать, скажем, русского, который долго жил в Америке.

И я думал про него: «Он стал настоящим американцем».

Или встретишь теперь в СССР какого-нибудь американца... их кстати полно там... который обрусел и совсем ничем не выдаёт своего заокеанского происхождения, и ты невольно думаешь о нем: «А он совсем уже стал русским...»

Так вот ... по моему глубокому убеждению... стать немцем никогда нельзя!

Немцы имеют такие, свойственные только им, черты характера, которые не могут быть приобретены. С ними рождаются.

Прежде всего у них в крови дух чинопочитания и преклонения перед законом. Каков бы этот закон ни был... как например сейчас – фашистский и антисемитский.

Мне один европейский дипломат рассказывал, что во время революции, которая вспыхнула в Германии после проигранной войны, он жил в Берлине, в отеле «Националь».

Этот отель этот выходил окнами в Тиргартен – большой парк-лес в центре города, вроде парижского Булонского леса.

И тогда он лично наблюдал из окон своего номера, как кайзеровские войска, выстроенные посреди аллеи, начали стрелять по демонстрации...

Демонстранты испугались и побежали.

Они оказались перед большим газоном травы, за которыми был лес, где они могли спрятаться от огня.

Но немцы бежали строго по... дорожкам аллеи, потому что на газонах стояли надписи: «Verboten!» – Запрещено!

Припоминаю и другой случай... уже со мною...

Как-то раз... уже работая в «бюро Риббентропа, я как обычно... приехал туда аккуратно в 8 часов утра.

И каждый раз ... как и до этого в течении года... я там показывал свой пропуск в контрольной будке одному и тому же сторожу, который, естественно, знал меня в лицо.

И вот... в тот раз я забыл свой пропуск в кармане другого пиджака и приехал без него.

И сторож не пустил меня!

Потому что в конторе висело объявление: «Без пропусков вход запрещён».

Опять «Verboten!».

А меня ждали в Бюро... Напрасно я пытался объяснить сторожу, что задержка будет иметь пагубные последствия. Он был непреклонен. Прошёл целый час, пока посылали другого дежурного за новым пропуском.

Вот какова сила преклонения немцев перед порядком и законом!

Столица Германии – Берлин. В переводе – берлога. Мрачный город.

Как и все немецкие города. В их архитектуре есть общая... какая-то ужасно застывшая угрюмая одинаковость.

Дома – как фибровые коричневые чемоданы.

Вывески всех магазинов написаны одними и теми же готическими буквами, витрины похожи одна на другую, как пара кайзеровских начищенных сапог или блестящих моноклей...

Вот хотя бы взять любую улицу в Берлине, на которой ты живёшь, допустим, два-три года. И вот однажды пьяным тебя привозят на такси и оставляют совершенно на другой улице и на другом конце города... и даже может быть в другом городе.

И тебе обязательно покажется, что это улица твоя!

Кроме Курфюрстендама, в Берлине все улицы похожи между собою. Да и памятники тоже. В немецком искусстве нет возвышенной эстетики и самое главное – нет полёта фантазии. Все представления немцев о красоте тесно связаны с армией, удобствами и пользой.

Я сейчас полностью убеждён, что если немцу снится рай, то он обязательно в виде ровных рядов постриженных деревьев, увешанных гроздьями сосисок, и фонтанов, бьющих пивом, спрятанных в прохладной тени этих ровных деревьев. Пресловутый тевтонский, прусский милитаризм очень отразился на памятниках.

Целые аллеи в Тиргартене заставлены памятниками прошлых кайзеров и генералов в самых пышных военных позах.

В Берлине я не видал ни одного памятника человеку в гражданском. Если они и есть, то их не видно. Они растворены в общей массе солдафонских монументов.

Столица Германии переполнена мещанскими вещами.

По чьей-то инициативе был даже создан великолепное заведение развлечений: «Музей безвкусицы».

Там собрали массу всякого рода скульптур, живописи и вещей домашнего обихода, которыми немцы украшают свой быт.

Я был в этом музее. Это – потрясающее зрелище мещанской пошлости, обывательского понятия о роскоши и красоте.

Чтобы описать всех этих голых красавиц в виде статуэток, раскрашенных в лилово-жёлтые тона, всех этих адово-красных Мефистофелей и картинок из «красивой римской жизни» не хватит никаких ... даже русских ругательств...

И тем не менее... в каждой семье бюргера я видел всё, что было на этой выставке.

Немецкое представление об эстетике наивно, тяжело и местами ужасно.

Оно проявляется во всем: в одежде, домашней обстановке, в еде, в развлечениях, в юморе.

Приехав в Германию в 1930 году, после советской скудной гастрономической действительности, я был поражён её немецким разнообразием.

Я с удовольствием стал тут регулярно есть сосиски, которые, конечно, немцы делают непревзойдённо.

Хотя еда в Германии также весьма тяжёлая.

Это я уже потом понял, что немецкие меню на самом деле разнообразием не блещут.

Главным блюдом в их гаштетах является свинина.

В любых сочетаниях, под разными соусами. Будь то это сосиски, колбасы, окорока, котлеты или просто зажаренная нога – но всегда свинина.

Есть ещё гусь, но это уже считается роскошью и подаётся только на Рождество.

Рыбу немцы не уважают, но вот картофель их настоящая национальная еда. Его они едят со всяким блюдом и в огромном количестве.

Едят немцы помногу и жирно.

Одно из блюд, которое подают в их заведениях общепита, приводит меня прямо в ужас.

Оно называется «айсбайн» – это огромная говяжья нога, хорошо отваренная в супе, и которая подаётся на стол целиком, как она есть.

Я, припоминая, как задрожал, впервые увидев, как её едят.

Вначале немцы орудуют над ней ножом и вилкой, постепенно срезая с неё мясо и жир.

Затем этот огромный мосёл они берут в обе руки и начинают обгрызать его. Настоящий обед каннибалов!.. Ха-ха.

Запивают немцы свою пищу неизмеримым количеством пива.

Которое... нужно отдельно сказать... тоже превосходного качества. Но напиваются немцы тяжело и мрачно.

У Германии есть Рейн, на берегах которого произрастает чудесный виноград и из которого производят одни из лучших в мире по качеству, знаменитые рейнские белые вина. С которыми не могут соперничать даже лучшие белые вина Франции.

Но немцы не любят вино.

Они пьют пиво. А вино идёт на экспорт.

По всей Германии выстроены тысячи огромных пивных дворцов... в четыре-пять этажей, ... во всех города, они вмещают тысячи посетителей каждый, но даже они не могут вместить всего количества посещающих их.

На каждом этаже такого дворца играет отдельный оркестр.

Вся там собравшаяся публика пьёт только пиво.

Весьма примечательны и интересны мужские уборные при них.

Они представляют из себя особое произведение германского гения и искусства... это целые дворцы из кафеля и мрамора с высокими потолками и все в зеркалах и с начищенной бронзой.

Всё в пивных дворцах – для удобства пивных клиентов.

У такого важного заведения, как туалет в пивном дворце, конечно же есть его заведующий! Он встречает всех у входа туда... величественный, как губернатор на дворянском балу.

Начальник такой уборной всегда полный собственного достоинства толстяк немец. На нём чёрный сюртук, который наглухо застёгнут, из под него виден накрахмаленный воротник с неизменным чёрным галстуком. Во рту у этого стража клозета неизбежная вонючая сигара, на лице блуждает снисходительная ухмылка...

Тут мои воспоминания о Германии переключились на курьёз, который произошёл со мною перед самым моим отъездом...

Приблизительно дня за три до моего отъезда в Париж ко мне в пансион прибыла довольно экстравагантная делегация.

В неё входили несколько дам и пара тройка мужчин.

По фамилиям, которые они мне называли при представлении, я понял, что они все явно балтийско-немецкого происхождения – то есть остзейские, как тут принято говорить о немцах с тех мест.

Некоторые из них были графами и баронами, остальные соответственно – графини и баронессы. После того, как я им предложил присесть, я осведомился о причине их визита ко мне.

Начали дамы... с преувеличенных комплиментов моей популярности в дипломатических, политических и светских кругах Берлина.

Сделав, так сказать, «артиллерийскую подготовку».

Затем началась атака по всем правилам ведения светских бесед. Слово взял уже представитель сильного пола.

Один из баронов, протерев перед этим тщательно свои очки и рассматривая свои холёные руки в родовых дворянских кольцах с гербами, стал излагать мне цель их визита, осторожно подыскивая слова.

Дело, оказывается, было в том, что они пожелали последовать примеру национал-социалистской партии и решили объединить здесь, в Германии, всех «национально мыслящих» русских людей, создать что-то вроде союза или «русского отдела» этой партии.

– Правительство с поддержкой отнеслось к этой идее и уже отвело нам целый дом на какой-то «Лейпцигштрассе», – добавил другой барон.

– Обещает в дальнейшем хорошо субсидировать нашу организацию, – вставил свои пять копеек один из графьев.

– Дом шестиэтажный, с чудными будуарами и видами!, – не выдержав воскликнула одна из прелестных баронесс.

– Уже утверждён даже проект формы от Хьюго Босс!, – добавила другая, с ударением на фамилию модного тут сейчас молодого нациствующего кутюрье..

– Мы будем иметь казачьи фуражки, – перебила её другая дама, кажется графиня и зарделась, как гимназистка.

– Но только общего коричневого цвета, и такие же, как у всех наци, рубашки, – строго уточнила самая старшая из дам... тоном гувернантки или «классной дамы».

– И повязку со знаком свастики на левой руке!, – с энтузиазмом воскликнул, вскочив со своего стула, самый молодой безусый «корнет».

Я ничего не понимал.

– Но, простите, чем я могу быть вам полезен?, – спросил я с недоумением.

Снова слово взял самый холёный барон:

– Немного терпения!, герр фон Козырёфф...

А я подумал весело: «Ого... Серёжа... да тебя уже тоже в бароны записали»

Тот, увидев моё удивление, довольно продолжил:

– Сейчас вам всё станет ясно...

Затем он торжественно обвёл всех взглядом... те все вскочили, как по команде, я тоже встал, а он громко сообщил мне:

– Уважаемый наш соотечественник герр фон Козырёфф, имею честь и удовольствие вам сообщить... что с этого момента вы обладатель наследного дворянского титула «барон ниеншанский»...

При этих словах он, как заправский фокусник, достал откуда-то древний пергамент и ловко вписал, также не понятно откуда взявшимся, гусиным пером в него мою фамилию и имя... и передал мне...

Вот так я неожиданно для себя и стал обладателем старинной семейной грамоты, титула «барон» и судя по записям... ещё и какого-то клочка земли... – Кажется это право зовётся «ленн», – мелькнула у меня мысль из моих познаний в баронских правах на землю.

Видя мою полную растерянность... другой высокий худой барон предложил всем снова присесть.

Затем он закурил сигарету и, пододвинув к себе пепельницу, чуть-чуть улыбаясь, медленно и терпеливо стал объяснять мне:

– У нас, герр фон Козырёфф, понимаете ли, есть некоторые препятствия... то есть... вернее... затруднения... в этом направлении... эээ... в создании нашего общества...

– Нам нужно имя..., – снова не выдержал, воскликнул пылкий юнец.

Худой спокойно продолжил:

– То есть, я хочу сказать, нам нужен человек с именем, который был бы известен всей нашей русской немецкой публике и в то же время репутация которого была бы, так сказать, не запятнана. Ну... нейтральный, что ли, – пояснил он.

Я начал понимать.

– И что же, у вас в Берлине не нашлось ни одного человека с «незапятнанной» репутацией?, – не выдержав, спросил я.

Барон неопределённо развёл руками.

– Очень трудно найти подходящее лицо, – уклончиво ответил за него другой... кажется граф.

– Различие взглядов... Политическое прошлое... Возникают возражения!, – добавил с сожалением третий собеседник.

– Но я же советский дипломат, – попытался я возразить.

Этим своим очевидным заявлением я всего лишь вызвал улыбки и реплику: «...на службе у фюрера».

– Ваше имя нас устраивает... Вы, так сказать, достаточно лояльны и из другого мира! – поддержал «важный» барон.

– Чего же вы от меня хотите конкретно?, – спросил я.

Бароны и графья переглянулись. Баронессы и графини смотрели с мольбой на меня.

– Мы предлагаем вам возглавить наш союз, – твёрдо сказал один из баронов.

Тут наперебой заговорили дамы.

– У вас там будет чудная квартирка, – промурлыкала самая молодая, стреляя в меня глазками.

– Чушь говоришь, Жаннет... Мы отведём вам весь бельэтаж!, – с пылом сказала строгая «классная дама».

– Весь этот дом наш!, – добавила другая.

– Работы особенно никакой не будет!, – выложил «веский» аргумент молодой граф с видом повесы.

– Просто подписывать несколько бумаг в день, и все!..., – с лукавством мурлыкнул «кот Базиллио» графского чина.

– Ну, и официальное представительство, так сказать!, – добавил «главный» из баронов.

Я уже все понял.

Это была гнусная провокация Розенберга...

Они искали дурака – это было ясно.

Вот эту «честь» они и решили предложить или «подложить» мне.

Едва сдерживаясь, чтоб не рассмеяться, я поблагодарил их и встал.

Бароны тоже поднялись.

– Я советую вам подумать над этим. Это будет для вас и полезно, и приятно в одно и то же время!, – сказал один из них.

Нотка угрозы едва уловимо прозвучала в этих словах.

– И это нисколько не помешает вашей дипломатической деятельности, – добавил другой.

– Напротив... укрепит связи русских немцев в Германии с Советской Россией, – с жаром выдохнула перезрелая графиня-фройляйн на выданье.

– Разрешите мне дать вам ответ в четверг, – попросил я.

Бароны молча поклонились.

После их ухода я упал в кресло и стал хохотать, обдумывая, какой анекдот я сделаю из этого разговора и как я буду его пересказывать моим приятелям тут. И как будут хохотать в Центре и в нашем полпредстве...

Но к моему недоумению из Москвы пришёл категорический приказ: «Возглавить Союз русских немцев в Германии».

В четверг, как я и обещал... посыльным я направил остзейским баронам своё согласие, одновременно с извинением, пояснив, что срочно выезжаю в командировку, а полномочия подписывать бумаги могу передать любому доверенному лицу.

Потом я взял телефонную книгу, позвонил в бюро и заказал себе билет на парижский экспресс.

В ту же ночь я покинул Берлин.

На вокзале правда меня перехватил один усач и представившись знакомой фамилией, что говорило о его принадлежности к группе лиц, меня недавно посетившей, и попросил подписать два документа.

Первым документом было моё согласие возглавить их Союз, а вторым я уполномочивал этого господина вести дела их сборища... ха-ха.

Я их с лёгким сердцем подписал и шагнул в неизвестность... то есть сел в свой вагон...

Сталин читал сводную докладную по Франции от Артузова...

Агрессивные действия этого негодяя Гитлера подстегивали всех в Европе искать союзников...

На заседание совета министров Франции министр иностранных дел Лаваль сделал сообщение о дипломатической обстановке. По его словам, «именно Италия является в данный момент той страной, которая наиболее полна решимости применить в случае надобности силу. Муссолини согласен на содействие России только при условии одновременного участия Польши».

Был зачитан проект меморандума Лиге наций, в котором упоминается «непрерывная и очевидная ложь» Геринга и Нейрата (министр иностранных дел Германии – справка Артузова). «Однако в связи с создавшейся обстановкой и итальянским предложением возник чрезвычайно серьезный вопрос о возможном применении силы, то есть о войне». Этот вопрос поставил Фланден – премьер.

Пространные объяснения Лавалья показались Сталину отвлеченными и туманными.

Затем Лаваль перешел к франко-русскому вопросу. Лаваль заявил, что «он задумал многосторонний пакт о ненападении и консультациях наряду с двусторонними договорами о взаимопомощи». Он зачитал проект двустороннего договора, «который намерен представить Потемкину» – Наш полпред в Париже – отметил про себя Сталин.

В договоре содержится ссылка на Устав Лиги наций. Лаваль хочет, как он выразился «вести переговоры с Советами лишь для того, чтобы поддержать Малую Антанту и помешать германо-русскому соглашению. Но в глубине души – и он признает это – он опасается возможного воздействия большевистской армии на французскую армию. Он пока еще не согласен, чтобы союзные обязательства вступали в силу автоматически».

Тут Сталин хитро ухмыльнулся и продолжил чтение.

Премьер Фланден изложил решения верховного командования:

«Правительство постановило временно оставить в армии контингент, который подлежал демобилизации 13 апреля. Однако на призывников этого контингента, которые принадлежат к предыдущим призывным возрастам, но ранее получали отсрочку и были временно освобождены от военной службы, распространяются обязательства только их призывного возраста, и, следовательно, они будут демобилизованы согласно условиям, установленным ранее. Этот кон-

тингент останется в армии до тех пор, пока новобранцы, подлежащие призыву в апреле, не пройдут необходимой подготовки. Он будет использован для пограничной службы и для возведения защитных укреплений и будет демобилизован не позднее 1 августа. Военнослужащие, задержанные в рядах армии, будут пользоваться особым режимом отпусков, и в частности отпуском на время сельскохозяйственных работ, сверх того им будет сокращен срок последующего пребывания в запасе».

Далее Сталин перешёл к чтению ноты об отношении Германии к проекту Восточного пакта которую фон Нейрат вручил сэру Джону Саймону (министр иностранных дел Англии – справка Артузова) во время их берлинских переговоров 25-26 марта этого 1935 года.

Германия предлагала следующие:

«1. Договаривающиеся державы обязуются не нападать друг на друга и не прибегать к силе в какой бы то ни было форме.

2. Договаривающиеся державы обязуются заключить между собой в случае если они еще не сделали этого, – договоры об арбитраже и согласительной процедуре, предусматривающие процедуру обязательного арбитража в случае спора юридического порядка и согласительную процедуру в целях мирного урегулирования политического конфликта.

3. Если тем не менее одна из договаривающихся держав считает, что ей угрожает агрессия или применение силы со стороны какой-либо другой договаривающейся державы, то по требованию вышеупомянутой державы должна быть немедленно созвана конференция представителей правительств всех договаривающихся государств с целью обсуждения создавшегося положения и в случае необходимости мер, которые следует принять для поддержания мира.

4. Если вопреки этому соглашению между двумя договаривающимися державами возникнут все же военные действия, другие договаривающиеся державы обязуются не оказывать агрессору никакой поддержки ни в области экономики, ни в области финансов, ни в военной области.

5. Пакт заключается на десятилетний срок, который может быть продлен на дальнейший период».

Сталин знал, что это совершенно секретная информация была добыта Козыревым перед самым его отъездом из Берлина.

– А не поторопились ли мы его от туда выдернуть?, – мелькнула у Сталина мысль.

Но тут же он сам себе ответил:

– Нет... Он нужнее сейчас в Париже... Нам нужен этот договор с Францией, чтобы вбить клин между ними и Германией...

Глава 2.

И вот я приехал в Париж.

Была чудесная весна. На бульварах города зацветали каштаны, на Пляс-де-ля-Конкорд били серебряными струями фонтаны.

Цветочницы ... все как одна – молодые, бойкие и весёлые... предлагали букетики лионских фиалок.

Огромные толпы парижан вышли на променады и собою заполняли тротуары и террасы кафе. Только что вспыхнули бледновато-голубым светом гирлянды уличных фонарей. Острый запах духов всевозможных ароматов смешался с бензиновым угаром и их сиреневатое облако стояло в воздухе.

Тут мне подумалось, что наряду с образом, каждая страна имеет свой особый запах, который ты ощущаешь сразу при въезде в неё.

Англия, например, для меня запомнилась запахом дыма, каменным углём и лавандой, Америка – бензином и жжёной резиной, Германия – сигарами и пивом, Испания – чесноком и розами, Япония – копчёной рыбой.

Этот запах мне кажется ты запоминаешь навсегда, и, когда хочешь вспомнить страну, то вспоминаешь сперва её запах.

Тысячи ароматов лугов, полей, лесов и степей я увёз в своей памяти из России... необъятная и далёкая, она остаётся в памяти каждого на всю жизнь...

Итак, Париж пах духами... как пишут в бульварных романах... ха-ха.

После хлопот по размещению и представлению в нашем полпредстве в Париже я сидел на террасе парижского кафе Парнас и любовался городом.

В эти предвечерние часы, когда электричество ещё не победило свет уходящего дня, он был потрясающе красив.

Люди разноголосно шумели за своими столиками. Но вот... неожиданно все повернули свои головы влево.

Там, куда все восторженно смотрели... из огромной... скорее всего американской машины вышел неспеша высокий человек в светло-сером костюме.

Он шёл не торопясь по тротуару, величественно помахивая при этом тростью, направляясь к одному из многочисленных кафе. Толпа сразу узнала его.

– Шаляпин! Шаляпин! – все разом загалдели.

Я тоже оглянулся. Известный оперный русский певец остановился и как бы позировал всем... Он просто стоял на фоне заката – огромный, великолепный, ни на кого не похожий, на две головы выше всех.

Кто-то к нему подошёл и он, улыбаясь, разговаривал с ним.

Затем все осмелели и его обступили – всем хотелось пожать ему руку. Меня охватило чувство гордости за него.

– Только в России мог появиться такой талантище, – подумал я. – Сразу видно, что идёт наш, русский артист! У французов – таких нет. «Он – точно памятник самому себе...», – как сказал как-то мне о нём мой друг Александр Вертинский.

Мои мысли вернулись к Франции...

Я полюбил Францию искренне, как почти всякий, кто в ней бывал...

Собственно говоря, пока «моя Франция» – это только один Париж, но зато один Париж – это вся Франция!, – как тут любят восклицать.

Так могу сказать и я, неоднократно бывая в этой прекрасной стране ...

Париж покорял всех, покорил и меня.

Этот город нельзя было не полюбить, так же как нельзя забыть его или предпочесть ему другой город.

Я, объездив многие города Европы, бывал в Америке и других частях света, могу с уверенностью сказать, что не знаю равного ему на земле.

Ещё одно «открытие» я совершил... Мне кажется, что русские не чувствуют себя так легко и свободно нигде за границей, как именно в Париже.

Как рассказывали мои местные знакомые и тот же Вертинский, что тут нетрудно никому быстро освоиться, найти работу.

В этом мегаполисе никому нет никакого дела до вашей личной жизни. Это город, где человеческая личность и её свобода чтится и уважается.

Франция, обессиленная продолжительной войной, нуждается в мужском труде, ибо война унесла многих её отцов и сынов в могилу. Мужские руки тут ценятся. Десятки тысяч моих соотечественников – русских эмигрантов работали на заводах Рено, Ситроена, Пежо и других. Много из них жили в сельской местности, как говорится: «сели на землю» и занимались сельским хозяйством – и собственным, если были средства, и чужим, если приходилось наниматься.

Всего русских сейчас во Франции, как писали в газетах, было тысяч двести-триста...

В Париже «наших» было тысяч восемьдесят. Но они как-то умудрялись не попадаться на глаза. В этом огромном городе все растворялись как капля воды в океане.

Любой, приехав сюда, через какой-нибудь год уже считал себя настоящим парижанином.

«Наши» тут говорили по-французски, знали всё, что творится вокруг

Оно повсюду работали с французами бок о бок и старались подражать им во многом. У них была и своя ниша и быт: свои церкви, рестораны, клубы, библиотеки, театры.

Это я знал как из своего опыта, так и от своих парижских друзей, прежде всего от своего друга и неподражаемого русского певца – Александра Вертинского.

Он осторожно вводил меня в круг русских эмигрантов... Так как среди них были и озлобленные, оголтелые личности... Но вот молодёжь, выросшие дети русских эмигрантов, тянулась ко мне... как сверстнику и с жадой поглощали мои рассказы о послереволюционной России.

Есть у «наших» тут в Париже и свои фирмы, магазины, дела, делишки.

Но это для общения, для взаимной поддержки, чтобы не потеряться в этой стране.

В душе же каждый из них считает себя европейцем и парижанином.

Приглашают друг друга – уже не к себе в дом, как на родине, а обязательно в ресторан или в кабачки на Сене.

Ежедневно они совершают прогулки в Булонском лесу с собачками и без собак, пьют до двенадцати дня различные аперитивы.

Кишит русскими и весь Монмартр. Группируются они около ресторанов и ночных дансингов.

Как просветил меня Вертинский, одни из «наших» служат гарсонами, другие метрдотелями, третьи на кухне моют посуду.

Есть среди них и танцоры – «дансэр де ля мэзон», или «жиголо» по-французски, молодые люди, красивые, элегантно одетые, для танцев и развлечения старых американок.

Имеются среди «наших» и артисты, певцы, музыканты, балетные танцоры, исполнители лезгинки – молодые красавцы грузины в черкесках, затянутые в рюмочку.

И конечно же цыгане и цыганки...

Много «наших» девушек и среди цветочниц.

Бывшие военные в основном работают зазывалами-вышибалами, швейцарами и шофёрами.

Вся эта русская эмиграция живёт главным образом за счёт иностранцев.

Последние, разменяв свои фунты и доллары, получают тут за них кучу франков, и поэтому им всё кажется тут дешево.

Отвыкшие у себя на родине от алкоголя, американцы напиваются быстро, счета оплачивают не глядя.

А иногда и по два раза один и тот же счёт, – как смеясь рассказывал про это мне Вертинский. – На чай они дают щедро, и за ними охотятся, как за настоящей дичью, – рассказывал он удивительные истории...

– Их передают из рук в руки. Облапошив гостя в своём ресторане, метрдотель посылает его со своим шофёром в другой, предварительно условившись по телефону, сколько он будет за это иметь процентов со счета.

– Их заманивают, переманивают при помощи женщин, перепродают, и просто грабят...

Правда, по словам Вертинского, который тут жил с 25-го года, любопытные американские туристы ездят иногда осматривать и поля битв.

Там... на месте сражений... сотни тысяч рабочих до сих пор выкапывают медь, свинец и железо из земли, вспаханной германскими снарядами.

Раз в год, в день перемирия, по Елисейским Полям Парижа проходит страшная и злоедающая процессия уродов и калек...

Тех, кто отдал Франции свои силы, здоровье и даже свой человеческий облик. Вереницы инвалидов идут по улицам поклониться праху Неизвестного солдата, похороненного под Триумфальной аркой.

Раз в год в пользу этих несчастных устраивают бал в «Гранд Опера». Бал считается одним из самых шикарных. Я по роду своей службы... да просто любопытства ради специально на него приезжал по приглашению ещё прежнего нашего полпреда в Париже, моего друга – товарища Довгалецкого.

Дамы высшего света и «полусвета» Парижа появляются там в сногшибательных туалетах. Это поистине настоящие дуэли женщин – состязание в роскоши, красоте, богатстве, элегантности.

И не только между обладательницами этих платьев, мехов и бриллиантов и их кавалерами, но и между их ювелирами, меховщиками, салонами.

Сумма сбора со всей этой выставки богатства бывает меньше, чем любой камень на любой из её посетительниц.

Но... приличия были соблюдены, и тени прошлого ужаса снова отодвинуты в небытие...

После утомительной и долгой войны, потребовавшей сильного и длительного напряжения всех сил страны, люди французы устали.

Войну тут забыли моментально, как дурной сон. Как будто никогда и не было сражений на Марне, у Вердена, Лувена, разрушенных городов, миллионов убитых.

Сейчас передо мною Париж веселился, кипел, бурлил, жил полной жизнью мировой столицы.

Шикарные лимузины один за другим летят, как осы, сплошными роями и вереницами по брусчатке парижских улиц.

Гигантские вывески сверкают миллионами огней рекламы... Почти как в Нью-Йорке...

Громадные кафе и кафешечки... разметались по широким парижским тротуарам... Они сплошь переполненные посетителями...

В этом огромном мировом мегаполисе находится место всем.

В элегантных авто, рассекающих Елисейские Поля, сидят изнеженные, избалованные и взбалмошные женщины, пахнущие острыми ароматами и томными, возбуждающими воображение, духами.

Они... глядят из окон своих лимузинов вместе со своими холёными благополучными собаками каких-то особых, экзотических пород... И те и другие при этом презрительно щурятся на людей и ... собак, идущих пешком.

Над Булонским лесом вспыхивают и потухают зарницы... он необычайно нежен весной, светло-голубой, с бледно-розовыми оттенками – точно нарисованный пастелью холст.

Как всегда... с утра и до двенадцати дня... в ресторанах на Порт Дофин в саду нарядные дамы пьют красочные аперитивы, флиртуют, сплетничают.

Обсуждают новые фасоны платьев и встречаются со своими «жиголо».

По широким утоптаным аллеям бегут бесконечные вереницы женщин и мужчин в самых немыслимых спортивных костюмах.

По дорожкам гуляют пешком те, у кого нет авто, и они просто любят эту выставкой тщеславия, роскоши и богатства.

Специальные таблички тем не менее не рекомендуют особенно углубляться в лес, в особенности женщинам.

Так как из-за кустов вдруг неожиданно может выскочить... Нет, не заяц или волк... А гораздо хуже... Какой-нибудь маньяк, помешанный на сексуальной почве.

В Париже... судя по газетам и слухам... таких много.

Но тем не менее... в больших кафе на верандах, прямо на улице, с утра до ночи тут сидят одинокие женщины и ждут своих клиентов.

У «Вербера» на Мадлен, у «Фуркеца» и в «Куполе» на Монпарнасе, в бистро на Клиши, на плас Пигале – повсюду дежурят сотни и сотни женщин, предлагающих свои услуги мужчинам.

Целые кварталы, такие как Бульвар Севастополь, знаменитая улица Шебане и другие, заполнены домами свиданий, где за разные цены – от десяти до тысячи франков – оказываются всевозможные услуги.

Их посещают те любопытные туристы, которым хочется узнать Париж до самых глубин.

Как недавно написал один корреспондент «Известий»: «Над Парижем носился удушливо-сладковатый запах тления. Странная смесь духов, бензина и падали».

Я не знаю, бывал ли он лично тут, но статья написана довольно красочно...

Витрины парижских огромных магазинов, таких, как «О Прентан» или «Галери Лафайет» уставлены новой мебелью стиля модерн...

А чуть в стороне... на улице Муфтар в подвале на задворках, среди мусорных ям и развалин, помещается кабак, особенно любимый туристами, желающими узнать «дно» Парижа.

Их приводят туда «кукины дети» – гиды турфирмы Кука.

Часто их туда доставляют сразу после спектаклей в «Гранд Опера», во фраках и вечерних туалетах.

В этом кабаке собираются апаши, воры, проститутки.

Хозяйка – старая, седая бывшая светская львица, опустившаяся до самого «дна», с манерами хозяйки публичного дома и хриплым голосом.

Там танцуют под гармошку «жава», поют, хохочут и конечно же пьют.

Полуголые, растрёпанные женщины извиваются в непристойных телодвижениях, танцуя с сутенёрами и ворами.

Тусклые керосиновые лампы освещают грязные потолки, столы и грубые скамьи.

Внезапно в разгар веселья начинается скандал: бутылки, стаканы, столы – всё летит в воздух... В руках у апаши сверкали ножи. Кто-то разбил бутылкой лампу. Наступила темнота, раздались стоны и крики:

– Убили! Убили женщину!.. Полиция! Полиция!

Резкий свисток оглашает воздух.

Испуганных англичан и американцев выводят тайком через задние дворы. Они в восторге и ужасе. Они видели настоящее «дно».

Когда они ушли, зажегся свет, и все эти «апаши», «воры» и «убийцы» спокойно разгримировываются, затем подходят к «львице», тоже разгримировавшейся, и получают свой разовый гонорар.

Это всё актёры из маленьких театров, а сама «львица» – актриса из «Одеона».

Вся эта комедия разыгрывалась для переживаний доверчивых иностранцев.

Я там был по протекции Вертинского... Очень правдоподобно! Ха-ха-ха.

Так живёт и веселится Париж.

Конечно, во Франции на заводах, шахтах и фабриках рабочие поднимают голос, требуя защиты труда и социальных реформ. Газета «Юманите» – орган коммунистов Франции – постоянно увеличивает свой тираж.

С блестящими речами выступают лидеры коммунистов Марсель Кашен, громит буржуазию Торез. На многотысячных демонстрациях поют «Марсельезу» схожую с нашим гимном «Интернационалом».

Но все это ... к сожалению... тонет в общем благодушии... как муха в мёде.

А на окраинах Парижа тоже живут люди. Собственно говоря, не живут, а существуют каким-то непонятным образом.

Если ехать по дороге в Нейи или Венсен, то там с обеих сторон тянутся целые кварталы жалких лачуг, сколоченных из каких-то ящиков, кусков ржавой жести, соломы, с дырками окон, заткнутыми тряпками, обклеенными старыми афишами и газетами.

На верёвках сушится грязное тряпье... Полуголые чёрные дети копаются в мусорных кучах.

А дорогие авто равнодушно проносятся мимо.

Сидящие в них буржуа и их кокотки брезгливо морщатся и недоумевают – как это можно было допустить в Париже, в самом центре страны, «деревни нищих»?.. Ну так пишут тут в местной прессе, когда нет сенсаций...

В газетных киосках на бульварах Парижа можно свободно купить советские газеты – «Правду» или «Известия». Шрифт их мелкий, убористый – деловой.

Сплошь одни резолюции, отчёты, постановления, решения, указы...

Отдельно идут цифры достижений, рекордов, планов пятилетки и их выполнения...

Конечно же чествуют героев... полярников, лётчиков, рекордсменов, ударников, энтузиастов, передовиков...

Читать местному обывателю это откровенно говоря – скучно. Сенсаций никаких нет! Люди в СССР просто строят новый Мир, хлопочут, работа кипит – пишут только самое важное, деловое, необходимое.

Хотя в последнее время советские газеты подробно освещают ход расследования убийства Кирова и процессы над его убийцами и их подстрекателями из оппозиции – Каменева и Зиновьева.

А парижскую газету развернёшь – сенсация за сенсацией.

«Президента выкинули из окна вагона!»

«Вивьен Оршан отравила мать, чтобы получить страховку».

«Шестнадцатилетняя убийца содержала своего жиголо!..»

«Миллионер – бумажный король Турман Бриль выбросился с самолёта».

«Разложение», «Гнилой Запад» – справедливо пишут об этом советские газеты.

Я был свидетелем гнусности... Мне в лицо хохотали... смеялись, как они выражались: «над этими «отсталыми» советскими взглядами».

Бросая чванливо мне: «Сами там жрут одну воблу, а ещё нас учат!» – «Ха-ха-ха! Это мы-то гнилые?.. Как вам нравится?» «Мы – европейцы, парижане, соль мира!», – кричали они.

Александр Вергинский, схватив меня крепко за руку, решительно увёл меня тогда из того паганого общества, по дороге извиняясь и скороговоркой поясняя:

– Всё это дно русской эмиграции, Серж! Они ещё сберегли в себе что-то. Тянутся из последнего. Покупают на распродажах шикарные платья жёнам, обзаводятся смокингами, засовывают гвоздички в петлички. О родине тоскуют, но как-то «платонически». Вспоминают берёзки... Белые ночи... Былой блеск, богатство... Кто что... Говорят нескончаемо, но... точно о покойнике. – Было, мол, и умерло!, – добавил он тогда в конце с сожалением. А я был ему благодарен, что не наделал глупостей в итоге этой явной белогвардейской провокации.

Правда во Франции в эмигрантской прессе пишется о России – СССР много.

Газеты «Последние новости» и «Возрождение» ежедневно закатывают всякие бредни-сенсации о расстрелах, голоде, бунтах в армии и прочем. Тьфу на них!..

И вот... снова окунувшись в этот парижский сладковатый угар и узнав последние новости и сплетни, я решил встретиться с некоторыми людьми...

Первым в моём списке был некто Эдуар Эррио.

Мне его рекомендовал, как друга Советского Союза, здешний полпред товарищ Потёмкин, напутствовав словами:

– Товарищ Козырев... я не знаю Ваших способностей... но... как говорится... и за соломинку схватишься... Договор под угрозой...

Только здесь я узнал от него, что Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой близок к подписанию...

Хотя я что-то такое подозревал ещё в Берлине. Там это вызывало нервозность.

Все попытки Гитлера этому помешать провалились. Даже убийство в прошлом году министра иностранных дел Франции Барту не привело охлаждению отношений с СССР... напротив... Приемник Барту, – Лаваль клятвенно пообещал продолжить курс на сближение с СССР.

Правда сразу стали возникать различные мелкие трения, которые в итоге завели всё в тупик. Да в такой, что Литвинов уехал в Москву «на консультации» буквально перед моим приездом.

– Ну что же... Не впервой мне спасать ситуацию..., – решил я про себя и поехал на встречу с Эррио.

Из информации, любезно предоставленной мне товарищем Потёмкиным, я узнал, что Эдуар Эррио родился в офицерской семье, имевшей крестьянские корни. Окончил Высшую Нормальную школу, с 1900 года занимает должность профессора филологии. В 1905 года избирается мэром Лиона и остаётся им бессменно до сего времени. Одновременно с этим Эррио является председателем партии радикалов. С 1916 года неоднократно входил в правительство Франции и занимал ответственные посты.

Будучи премьером, Эррио установил в 1924 году дипломатические отношения СССР!

Он также отказался от дальнейшей оккупации Рура, накалявшей обстановку в Германии.

Второе правительство Эррио в 1926 году провело школьную реформу, издав закон о создании единой и бесплатной школы.

Третье правительство Эррио заключило с СССР в 1932 году договор о ненападении.

Радикальная партия, во главе которой стоит Эдуар Эррио, принимает в данный момент активное участие в создании Народного фронта, вместе с коммунистами и социалистами.

По всему выходило, что товарищ Эррио таки настоящий друг СССР...

Встретились мы с ним в Булонском лесу... подальше от зевак и лишних ушей и глаз.

Я, после приветствия, тут же вручил ему фото Сталина с дарственной надписью, подчеркнув этим свой статус спецпосланника.

Он подарку очень обрадовался и пообещал передать свою фотографию...

Господин Эррио был в хорошем настроении и начал наш разговор с интересующей его темы...

– Я, господин Козырев пару дней назад присутствовал на открытии памятника Ришелье в Люсоне, затем вернулся в родной Лион на съезд нашей партии, – начал он.

– И как прошёл съезд?, – задал я вежливый вопрос.

– О... он протекал спокойно, – сказал Эррио. – В духе пожеланий, выраженных нашими провинциальными организациями, был пересмотрен устав. Два дня ушли на обсуждение вопросов торговли. Затем последовал доклад сенатора Серлэна и обсуждение муниципальной программы. Затем вечером, на банкете я выступил с речью, которая была хорошо встречена. Мне перед этим сообщили, что нынешний наш премьер-министр Фланден будто бы склонен впасть в уныние. Я решительно высказался в его поддержку...

– А Прибыв в Париж 2 апреля, я нашел его успокоившимся. Политическое положение значительно улучшилось. Вопреки пессимистическим прогнозам парламентская сессия завершилась весьма благоприятным вотумом доверия 401 голос против 125, – рассказал он мне последние детали политической жизни Франции.

– Тем лучше, так как международная обстановка действительно скверная, – бросил я пробный шар.

– Даааа... Господин Козыреф... Германия сорвалась с цепи, – поддержал меня мой собеседник. – Сэр Джон Саймон, глава британского форин-офиса, говорят вернулся из Берлина очень встревоженный, под сильным впечатлением опасной личности Гитлера, – сказал Эррио мне тихо и продолжил:

– Когда английский министр упрекнул фюрера за его пренебрежение к договорам и подписям, тот ему ответил насмешливо: «Когда Блюхер при Ватерлоо пришел на помощь Веллингтону, разве его спрашивали о том, соблюдал ли он договоры?», – Вы представляет мистер Козыреф, каков наглец?, – возмущался Эррио.

Я собрался с духом и ответил ему:

– Более чем... Вы же знаете, что я близок к верхушке рейха и лично знаком как с Гитлером, так и с его окружением...

– По имеющейся у меня официальной и секретной информации можно сделать следующие выводы господин Эррио:

Первое, Гитлер согласился бы на заключение двусторонних пактов о ненападении или договоров об арбитраже, но против взаимопомощи.

Второе, он не принимает всерьез Дунайский пакт, заявляя, что Австрия желает присоединиться к Германии.

Третье, Германия вернется в Лигу наций только в том случае, если получит мандаты на колонии.

Четвёртое, он требует, чтобы тоннаж германского флота составлял 35 процентов тоннажа британского.

Пятое, Германия уже располагает от 1500 до 1800 военных самолетов – больше, чем Англия.

Шестое, Гитлер хотел бы прямого соглашения между Великобританией и Германией.

Седьмое, он намерен сформировать 550 -тысячную армию – 36 дивизий, – чётко я всё перечислил, добавив в конце доверительно:

– И наконец, господин Эррио, по последним моим данным... рейхсвер уже состоит из 27 дивизий... Франция же имеет, насколько известно в Берлине... 30 дивизий вместе с североафриканскими...

Эррио был ошеломлён моим откровением и задумался...

Я не мешал ему, и мы прошагали молча до конца аллеи, затем он снова начал говорить:

– Спасибо за ценную информацию, господин Козырев... Я глубоко сейчас размышлял над положением моей страны. Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы помочь нашему нынешнему премьеру Фландену, которого я хорошо понимаю, увеличить нашу армию.

– Однако численность армии не исчерпывает всей проблемы, – вставил я.

Эррио согласно кивнул и продолжил:

– Несмотря на столь очевидные недавние заявления министра обороны генерала Морэна в совете министров об угрозе «прорыва фронта в результате внезапной лобовой атаки» и «углубления прорыва моторизованными частями», он всё же отверг предложения Поля Рейно по увеличению армии, – с сожалением сказал мой собеседник.

– Между тем Германия вооружается, не признавая никаких ограничений, – напомнил я ему реалии.

Эррио ещё больше нахмурился и ровным тоном заговорил:

– Мне кажется, что на протяжении всей своей политической карьеры я предпринял всё возможное, чтобы склонить её к соглашению с нами...

– В Лондоне в 1924 году я вел с ней переговоры на началах полного равноправия... она располагала полной свободой для защиты своих интересов. Я помог ей вступить в Лигу наций. В Лозанне я был с ней весьма либерален.

– Но я больше не верю её слову. Теперь я знаю, что Штресеман был обманщиком. Когда был принят план Юнга, Германия поклялась соблюдать добровольно принятые ею обязательства. Но она не сдержала своего слова. Нельзя верить Германии. От неё довольно легко добиться подписи под каким-либо документом, но она не уважает этой подписи. Весьма прискорбно, но это факт. Я знаю, что не только я, но и многие другие поддадутся иллюзии достигнуть столь желанного сближения между двумя великими странами. Но если они добросовестные люди, им придётся отказаться от этого намерения, – с грустью констатировал Эррио очевидное.

– Что же делать?, – воскликнул я. – Франция с ее 40 миллионами жителей не сможет одна противостоять государству с 60-миллионным населением. Будучи аграрной страной, она не сможет вооружиться столь же быстро и мощно, как страна с высококонцентрированной промышленностью, в которой силы человека многократно умножаются силами машины и которая противопоставляет грубый материализм вашему идеалистическому индивидуализму. Где вам искать поддержки?, – подводил я своего собеседника к нужному мне выводу.

– Мы можем рассчитывать на Югославию и на Чехословакию, – по деловому сказал Эррио и продолжил:

– Несмотря на свои колебания и приступы близорукости, Англия в случае опасности не откажет нам в помощи своей авиации и своего флота. Я не верю в франко-итальянскую дружбу. Я высоко ценю итальянский народ... и как культурный человек, я связан с его цивилизацией и с его прошлым. Но его правительство нас ненавидит. Наши отношения омрачены рядом спорных территориальных проблем. Мне кажутся смешными эти официальные и добровольные послы, которые ездят в Рим, смиренно выпрашивая автограф или фотографию. Муссолини ненавидит в нашем лице ту самую демократию, которую он отверг. Вопреки всем соглашениям он домогается Туниса... он хочет даже гораздо большего. Я не раз говорил президенту республики: «Что касается Италии, то мы должны всего опасаться и ни на что не надеяться». Мне говорят: «Не следует строить внешнюю политику на идеологических основах». Конечно, это так. Но неужели мы настолько глухи, чтобы не слышать бесконечных выпадов диктаторов против демократических государств?, – задал в конце риторический вопрос Эррио, но в этот раз он не стал делать паузу и сам перешёл к обсуждению нужного мне вопроса.

– Господин Козырев... я изучаю карту. Я вижу на ней только одну страну, которая была бы для нас необходимым противовесом и могла бы создать в случае войны второй фронт. Это Советский Союз. Я говорю и пишу об этом уже с 1922-го года. На меня смотрят, как

на коммуниста или безумца. Даже царь при всем своем деспотизме пошел некогда на союз с французской республикой. Неужели наша буржуазия, наша печать окажутся менее умными? Что касается меня, я не изменю своих убеждений. По моему мнению, это диктует сама логика развития и даже просто здравый смысл. По этому 4 апреля этого 1935 года под впечатлением дурных вестей из Германии именно я нанес визит вашему послу Потемкину и обсудил с ним условия франко-русского соглашения, – с ноткой гордости произнёс мой собеседник.

– Но сейчас всё застопорилось?, – снова не воздержался я от реплики.

– Совершенно верно, господин Козырев, – невозмутимо ответил мне Эррио и пояснил:

– Возникло два затруднения: Первое, Советский Союз требует, чтобы был упомянут параграф 7 статьи 15 Устава Лиги наций, предусматривающий свободу действий в случае неспровоцированного нападения и отсутствия единогласия. Лаваль соглашается, ставя, однако, это решение в зависимость от согласия гарантов Локарно. Литвинов, сославшись на общественное мнение СССР, высказал пожелание, чтобы Локарно не упоминалось.

Второе, Франция требует, чтобы оказание взаимной помощи было поставлено в зависимость от решения Совета Лиги наций...

Видя моё недовольное лицо, Эррио улыбнулся и сказал:

– Господин Козырев, Вы наверное один из тех редких дипломатов, что совершенно не скрывают своих чувств... – Как Вам удаётся терпеть Гитлера и его клику?, – спросил он удивлённо.

– Господин Эррио... если знаешь, что твои намерения чисты и благородны, то можно вытерпеть кого угодно, – с пафосом ответил я.

– Я с Вами согласен, но наверное не смог бы..., – с прежней улыбкой сказал мой собеседник и продолжил уже серьёзно:

– Основываясь на Вашу информацию о приготовлениях Гитлера, я думаю, что смогу снять эти несущественные разногласия с нашей стороны...

На этом мы расстались, договорившись держать друг друга в курсе дела.

Затем я подробно обо всё проинформировал... своего германского «шефа» – фон Риббентропа. Предварительно получив на это согласие Центра...

Необходимость такого шага я аргументировал пред Москвой как минимум тем обстоятельством, что так или иначе о переговорах и станет известно в Берлине... Очень уж всё не держалось во французских политических кругах.

А получив от меня информацию в полном объёме я ещё больше вырасту в глазах моего гитлеровского руководства.

Вторым обстоятельством было одно незавершённое дело...

А именно способствование урегулированию торговых отношений между СССР и Германией.

Я не безосновательно считал, что, получив сигнал из Парижа о готовящемся договоре, Гитлер захочет воспрепятствовать этому.

По этой причине я приписал от себя в донесении в Берлин, что, по моим сведениям, заключение СССР всеобъемлющего торгового договора с Германией отложит или и вовсе отменит русско-французское сближение.

Я знал, что в проекте соглашения с Германией, СССР гарантировал германской тяжелой промышленности сверх обычного товарообмена «дополнительные» заказы на сумму до 200 миллионов рейхсмарок.

В Берлине говорили, что «в деловых отношениях с Советами, Германия выйдет на первое место среди капиталистических государств. Советский Союз погашает свою задолженность и продает Германии множество товаров, а в благодарность за пунктуальное осуществление платежей он получит кредиты на пять лет».

– Не плохое дельце, – подумал я тогда, – на пять лет отложить войну.

– Ведь никто же не воюет с добросовестным деловым партнёром, да ещё и должником?, – задавался я риторическим вопросом.

Сталин ещё раз любовно провёл рукой по только что доставленному из Берлина экземпляру «Соглашения между Правительством СССР и Правительством Германии о дополнительных заказах СССР в Германии и финансировании этих заказов Германией».

Затем он снова прочёл скупые строки преамбулы соглашения:

«Между Германским Правительством, представленным германским Министром Хозяйства, и Правительством Союза Советских Социалистических Республик, представленным Торговым Представителем СССР в Германии, имели место переговоры о выдаче Торговым Представительством в Германии дополнительных заказов, приведшие к следующему соглашению.

I.

Торговое Представительство СССР в Германии изъявляет готовность выдать немецким фирмам-поставщикам дополнительные заказы в сумме 200 млн. марок, причем оно исходит из того, что желательные ему товары будут поставлены по приемлемым ценам и на соответствующих условиях поставки. Дополнительные заказы охватывают исключительно поставки для инвестиционных целей, т. е., в частности:

оборудование фабрик,
установки,
оборудование.
всевозможные машины,
аппараты,
оборудование для нефтепромышленности,
оборудование для химической промышленности...

Затем Сталин улыбнулся своим мыслям и неторопливо набил трубку смятой папиросой марки «Герцеговина флор». Ловко чиркнул спичкой по коробку и с удовольствием затянулся.

Неспеша поднялся со своего места и стал медленно прохаживаться по кабинету.

Всё это время... тихо, как мыши... в его кабинете сидели нарком внешней торговли Розенгольц и наркоминдел Литвинов.

– Так... на 200 миллионов марок расщедрился этот подонок Гитлер, – наконец прервал тишину голос хозяина кабинета.

От внезапности гости вздрогнули.

Розенгольц поспешил уточнить:

– Наш торгпред там... товарищ Кандэлаки... сообщает, что и ещё на 64 миллиона рейхсмарок удалось уладить прежних разногласий...

Сталин остановился, сверкнул глазами и резко спросил:

– А ваш этот Кандэлаки не сказал, кого за это всё нужно отблагодарить?

При этом Сталин ткнул трубкой в сторону своего рабочего стола, где лежало соглашение.

Розенгольц грязно выругал себя в мыслях за идею, подвести Сталина к вопросу о наградах, но быстро собрался, подскочил и чётко ответил:

– Все мы считаем, что это всё ваша заслуга... товарищ Сталин...

– Наш вы дорогой вождь и учите..., – завёл уже привычную шарманку паркетный шаркун, но был снова прерван взмахом руки Генсека.

Глава 3.

Следующим моим парижским визави был военный – некто подполковник де Голль...

О нём мне просто кричало моё подсознание, как только я плотно занялся французскими делами...

В голове всплывали картины страшного разгрома Франции Германией, который должен произойти в 1940-м году. Её позорная капитуляция уже через месяц активных действий...

И только... он... де Голь... «увезёт честь Франции в Лондон», как ещё скажет о нём Черчилль...будущий военный премьер Британии...

И всему этому я и собирался помешать, в том смысле, чтобы попытаться спасти Францию, а в последствии отвести страшную Войну и от своей Родины!

Ему сейчас было почти 45 лет.

С самого начала Мировой войны лейтенант де Голль принимает в ней участие ... непосредственно в военных действиях. После двух ранений последовательно возвращается в строй. В звании капитана становится командиром роты. А Верденской битве в 1916 году был ранен в третий раз. Оставленный на поле боя, он уже посмертно удостоен ордена Почётного Легиона. Однако остаётся в живых, в бессознательном состоянии попадает в плен к немцам. Его лечат в госпитале и удерживают в различных крепостях. Де Голль делает шесть попыток бежать. В плену в крепости Ингольштадт он долго жил в одной комнате с нашим Тухачевским... между ними завязывается общение, в том числе и на военно-теоретические темы. Именно тогда он пишет свою первую книгу «Раздор в стане врага» опубликована в 1924 году.

Де Голль был освобождён лишь в конце 1918 года. С 1919 по 1921 год де Голль находится в Польше, где преподаёт теорию тактики, а в июле – августе 1920 года в чине майора непродолжительное время воюет на стороне Польши в Советско-польской войне.

Кстати, нашими войсками в том конфликте командовал, по иронии судьбы, как раз 28-ми летний Тухачевский.

Его войска тогда потерпели сокрушительное поражение...

Но тем не менее Тухачевский был назначен начальником Штаба РККА у тогдашнего наркомвоенмора – Фрунзе.

А после его смерти... в результате конфликтов с новым наркомвоенмором Ворошиловым подал рапорт об освобождении его от должности.

Тогда же Тухачевский и выдвинул теорию упреждающих наступательных операций и создания такого технического оснащения Красной Армии, которое бы ни одна страна мира не потянула, в том числе и СССР бы не потянул, Сталин его обвинил в попытках создать красный милитаризм, сказав ему: «В стране крестьяне ещё в лаптях ходят, а ты предлагаешь тысячи танков строить для армии».

После этого Тухачевский попал в опалу и убыл воевать в революционный Китай, где я с ним и познакомился.

Тем временем обстановка в мире меняется, угроза военной опасности для СССР возрастает, и Сталин письменно извинился перед Тухачевским за то, что неправильно оценил его предложение и был достаточно резок в его отношении. И тут же Тухачевского вернули из Китая в Москву.

– Эх-хэ-хэ... не послушался меня, – мелькнула у меня мысль, – да не только он один... все вернулись...

В 1931 году Тухачевский назначен начальником вооружений РККА, затем зампредом Реввоенсовета СССР, замнаркома по военным и морским делам, а с марта прошлого 1934-го года замнаркома обороны, в связи с переименованием.

В феврале 1933 года Тухачевский награждён орденом Ленина.

В феврале 1934 года на XVII съезде ВКП(б) избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). И снова мои мысли вернулись к де Голлю...

После польской компании, тот отклонив предложение занять постоянную должность в Войске Польском вернулся на родину,

А в 1932-м году его назначают генеральным секретарём Высшего совета обороны.

Сейчас подполковник де Голль стал широко известным как автор военно-теоретических работ.

Он написал статьи «Создадим профессиональную армию» и «Как создать профессиональную армию».

А в 1934 году выходит главный труд де Голля на эту тему – книга «За профессиональную армию».

Я естественно все их нашёл и прочёл...

В своих книгах де Голль, в частности, указывал на необходимость всестороннего развития танковых войск, как основного оружия будущей войны.

В этом его работы сближаются с трудами ведущего военного теоретика Германии – Гейнца Гудериана. – Был я с Гитлером на его манёврах с картонными танками, – мелькнула у меня мысль...

В своей третьей книге де Голль прямо заявляет о необходимости создания профессиональной армии, способной противостоять любым атакам противника.

Он фактически первым во Франции предсказывает решающую роль танков в будущей войне, подчеркивая, что наличие танковых дивизий может перевернуть любую военную тактику.

В четкой и лаконичной форме он излагает проект предлагаемой им реформы и указывает, что Франции необходимо создать по крайней мере шесть линейных и одну легкую, полностью моторизованную дивизию, что будет означать серьезную подготовку к возможной войне.

Де Голль отмечает, что провести военную реформу должно государство, как и вообще обратить внимание на свою армию.

«Для государства в высшей степени политически недальновидно, – пишет он, – совершенно не поддерживать в армии идею больших свершений и вкус к широким замыслам. В результате, когда придет беда, напрасно родина станет искать людей, достойных победы. Победа дается только тем, кто всегда мечтал о ней».

Так подполковник стремится привлечь внимание не только к выдвинутой им идее, но и к себе самому.

В заключение книги де Голль вообще решается представить собственный портрет, вернее, портрет настоящего руководителя, каковым, по его мнению, он вполне способен стать: «Для того, чтобы в ближайшее время родилась профессиональная армия, для того, чтобы ей были заданы новые смысл и дух, нужно, чтобы появился настоящий руководитель, независимый в своих суждениях, непререкаемый в своих приказах, пользующийся доверием общественного мнения. Отстаивающий лишь государственные интересы, лишенный предрассудков, не думающий о завоевании сторонников, сосредоточенный только на своей задаче, проникнутый большими замыслами, вождь должен быть неотделим от армии, полностью концентрируя свое внимание на том, чем он командует, жаждущий нести ответственность. Им может быть только человек достаточно сильный, чтобы заставить признать себя, достаточно ловкий, чтобы нравиться, и достаточно талантливый, чтобы осуществить большое дело».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.